

УДК 316.334.52

Регион: экономика и социология, 2024, № 4 (124), с. 222–252

В.П. Бабинцев, Г.Н. Гайдукова, Ж.А. Шаповал

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ КОНСОЛИДАЦИИ ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВ В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОЙ РОССИИ

В статье рассматриваются социальные детерминанты консолидации городских сообществ. Цель статьи – верификация гипотез о взаимосвязи долгосрочных тенденций социально-экономического и социально-демографического развития городских сообществ в регионах российского приграничья и восприятия населением идеи социальной консолидации. На основе сопоставления данных статистики и результатов социологических исследований авторы доказывают, что отношение к консолидации не зависит от того, насколько благоприятными являются показатели демографического развития. На преобладание в общественном сознании интенции к консолидации оказывает неоднозначное воздействие фактор миграции (в случае значительной культурной дистанции она усиливается в среде коренных жителей, приобретая вид защитной реакции, короткая дистанция не побуждает к солидаризации). Выявлено, что более всего ориентированы на консолидацию «верхние» и «нижние» слои городского населения при относительной пассивности «средних», поэтому, как ни парадоксально, размывание «среднего класса» усиливает установки на солидаризацию. Способствуют их формированию и распространению информированность населения о наличии в городе элементов инфраструктуры консолидации (некоммерческие организации, общественные объединения и т.д.) и участие в их работе.

Ключевые слова: социальная консолидация; городское сообщество; социальная солидарность; инфраструктура консолидации; социологическое исследование; приграничный регион

Для цитирования: *Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Шаповал Ж.А.* Социально-экономические детерминанты консолидации городских сообществ в приграничных регионах Центрально-Черноземной России // Регион: экономика и социология. – 2024. – № 4 (124). – С. 222–252. DOI: 10.15372/REG20240409.

ВВЕДЕНИЕ

Социальная консолидация довольно длительное время остается объектом внимания как исследователей, так и широкой общественности. За последние годы опубликовано значительное количество работ, посвященных ее анализу. В их числе публикации С.С. Аносова [1], Н.Д. Вавилиной [3], К.В. Воденко [4], М.К. Горшкова и И.О. Тюриной [5], А.Б. Гофмана [6], А.С. Капто [8], О.А. Кармадонова [9], Г.Д. Ковригиной [10], И.М. Кузнецова [11], С.В. Рогачева, М.В. Ильичевой и А.В. Иванова [15], П.С. Селезнева и В.Ш. Сургуладзе [17], А.Д. Харичева, А.Ю. Шутова, А.В. Полосина и Е.Н. Соколовой [20], В.А. Чигрина и В.В. Узунова [21] и других авторов.

Принципиально важное значение для исследования консолидации имеет разработанная О.А. Кармадоновым концепция социальной конъюнкции, представляющей собой «процесс, в пределе ориентированный на социальное воспроизводство, основанный на консистентной солидарности, обеспеченной полноценными потоками социальной консолидации во всех эшелонах и структурных элементах общества» [9, с. 11]. Противоположным конъюнкции феноменом, по мнению исследователя, выступает социальная дизъюнкция – совокупность процессов «расстройства, рассогласования, распада интеграционных средств, сопровождающихся ослаблением обоих консолидационных потоков и проблематизацией основной цели интеграции – социального воспроизводства общества» [9, с. 11]. Консолидация в данном контексте интерпретируется как форма социальной конъюнкции. Значение это обусловлено тем, что солидарность, как подчеркивает Г.Д. Ковригина, одна из учеников О.А. Кармадонова, представляет собой метainститут, т.е. институт, возникающий как ответ на удовлетворение потребности в воспроизводстве общества [10, с. 19]. Эта особенность солидарности дает основание относиться

к консолидационному процессу применительно к любым сообществам как к необходимому в современных условиях фактору их развития.

В полной мере данное утверждение относится к городским сообществам, для которых, по заключению К.В. Воденко, обретение солидарности означает достижение состояния оптимальной интегрированности различных групп и слоев, имеющих общий контур действия и общие цели в социальном развитии российского общества [4].

На интеграционный потенциал солидаризации указывает и иркутский исследователь С.С. Аносов, характеризуя ее как способ обеспечения лояльности общества, способ поддержки бедных слоев населения, потенциально составляющих массовую базу социальной солидарности [1].

Исследователи обращают особое внимание на необходимость реалистического подхода к утверждению солидарных отношений, анализа его социодинамики. В частности, Н.Д. Вавилина выделяет в солидаризации четыре последовательных этапа: идентификацию, непосредственно солидаризацию, консолидацию и интеграцию. При этом каждый этап одновременно выступает как явление и как процесс, развивается самостоятельно и может быть основой для другого процесса, но может и не «вырастать» в другое состояние [3].

Вполне естественно, что социодинамика консолидации является результатом воздействия комплекса факторов, среди которых исследователи чаще всего выделяют ценностные. В работах И.М. Кузнецова содержится утверждение о том, что консолидация – результат высокого уровня ценностного консенсуса и ориентации на традиционализм [11]. Схожая позиция обосновывается и другими авторами, в частности А.Б. Гофманом [6], А.С. Капто [8], А.Д. Харичевым, А.Ю. Шутовым, А.В. Полосиным и Е.Н. Соколовой [20]. Так, А.С. Капто подчеркивает значимость для социальной консолидации «объединяющей идеологии» и «консенсуса», «базирующегося на сходстве взглядов или ориентаций относительно значимых ценностей, целей, норм, правил поведения, ролей, отношений власти и т.д. между субъектами социальных отношений» [8, с. 259]. По мнению А.Б. Гофмана, наличие набора общепринятых и разделяемых индиви-

дами ценностей является важным условием формирования универсальной общегражданской солидарности [6, с. 160].

Нельзя не согласиться с этими утверждениями, но в то же время следует признать их неполноту, обусловленную недостаточным учетом социально-экономических предпосылок солидаризации, на которые указывают многие исследователи. Так, Н.Л. Русинова и Л.В. Панова оценивают готовность российского общества к консолидации сквозь призму проблем значительного социального неравенства, эксклюзии, ограниченности формирования социального капитала бедных слоев населения. Они заключают, что «резкое углубление экономического неравенства в современной России... привело к отчуждению значительных сегментов общества от институтов интеграции, сформировав, тем самым, не только существенные ограничения возможностей свободного участия граждан в общественной жизни; но и “запустив” механизмы социальной дезинтеграции, нашедшей свое отражение в целом ряде негативных социальных явлений, и создающей серьезные препятствия на пути консолидации нашего общества» [16, с. 221].

К аналогичным выводам приходит и Г.В. Еремичева, анализируя влияние социального неравенства на консолидационные процессы в российском обществе: «Современный уровень социального неравенства, диспропорции в распределении богатых и бедных, нерешенность насущных социальных проблем большинства крайне затрудняют процесс консолидации» [7, с. 252]. В.А. Чигрин и В.В. Узунов также подчеркивают, что «социально-экономическое неблагополучие, которое имеет совершенно отчетливое региональное измерение в России, выступает значимым фактором противодействия консолидации регионального пространства» [21, с. 150]. В трактовке С.В. Рогачева, М.В. Ильичевой и А.В. Иванова условием консолидации является институциональное доверие, но его уровень напрямую связан с благополучием и жизненным уровнем людей [11].

Разделяя позицию упомянутых выше авторов, мы тем не менее отмечаем, что именно взаимосвязь социально-экономических факторов с консолидационными процессами в урбанизированных сообществах пока еще мало исследована как на эмпирическом, так и на

теоретическом уровне. Столь же мало изучено влияние цифровой трансформации социальных отношений на перспективы консолидации, особенно наглядно проявляющееся именно в городах. Воздействие цифровых технологий на консолидационные процессы, в том числе на локальном уровне, предметно исследуется лишь в относительно небольшом количестве работ. Так, например, Л.А. Бобова отмечает, что в современных условиях цифрового общества виртуальные средства массовых коммуникаций становятся ведущим практическим механизмом для социальной консолидации, которая «приводит к всплеску активности социальных движений и протестов. Таким образом, зарождается новый тип социальных движений – без лидеров, без иерархии, без привязки к каким-либо организациям, – деятельность которых зарождается в автономном виртуальном пространстве и моментально выходит в городскую среду» [2]. В контексте анализа влияния фактора цифровизации на консолидационные процессы в обществе заслуживает внимания статья П.С. Селезнева и В.Ш. Сургуладзе, которые рассматривают негативные аспекты такого влияния: нарастание одиночества, кризис института семьи, размывание традиционных ценностей, увеличение социального неравенства, недоверия и конфликтности за счет прекаризации труда, роботизации и финансиализации экономики и др. [17]. Эти явления существенно деформируют среду и отношения между людьми, обуславливая необходимость диагностики происходящих изменений.

Актуализации проблематики консолидации в научном дискурсе, несомненно, способствовала специальная военная операция на Украине. Большая часть исследований по этой тематике, результаты которых опубликованы в 2022–2023 гг., фиксирует рост сплоченности российского общества во время СВО (см., например, [13; 14; 22]). Однако влияние специальной военной операции на консолидационный процесс довольно специфическим образом проявляется в приграничных субъектах Российской Федерации. С одной стороны, имеются многочисленные примеры материальной и моральной поддержки участников СВО в форме как индивидуальных, так и групповых действий, которые вполне могут быть определены как микро-

практики солидарности. С другой стороны, поддержка идеи консолидации в рамках больших сообществ остается практически на одном уровне. Показательно в этой связи, что согласно проведенному нами в Белгородской, Курской и Воронежской областях в феврале 2022 г. (до начала СВО) социологическому исследованию «Социальная консолидация городских сообществ: возможности и ограничения в условиях дигитализации урбанизированной среды», необходимость консолидации общества признавали 55,8% городских жителей Белгородской области, в октябре того же года эта доля почти не изменилась и составила 58,4%. И если в феврале 2022 г. 76,5% респондентов были готовы объединяться с другими людьми для решения местных проблем, то в октябре таких было 79,4%.

Полученные данные позволяют предположить, что несмотря на значимость фактора внешних угроз, он вряд ли является определяющим для консолидации населения субъектов РФ, по меньшей мере относящихся к Центрально-Черноземному региону, а возможно, и всей России. Скорее всего, ее перспективы зависят от более долгосрочных тенденций социально-экономического и социально-демографического характера. Целью данной статьи является оценка влияния некоторых из этих тенденций.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В основу статьи положен анализ результатов двух социологических исследований:

1) «Социальная консолидация городских сообществ: возможности и ограничения в условиях дигитализации урбанизированной среды». Проведено авторами статьи в Белгородской, Курской и Воронежской областях в феврале 2022 г. методами анкетного опроса (n=1518), экспертного опроса (n=50) и фокус-группового интервью, в котором участвовали представители молодежи, работники бюджетной сферы, работники органов муниципального управления, пенсионеры, предприниматели (самозанятые), безработные (частично занятые). Исследование выполнялось для изучения когнитивных и диспозиционных оснований социальной консолидации городских сооб-

ществ, анализа ее институциональных и инфраструктурных оснований, определения уровня мотивации членов городских сообществ к конструктивному решению городских проблем, изучения имеющегося опыта объединения горожан, определения характера влияния дигитализации урбанизированной среды на социальную консолидацию;

2) «Консолидационный потенциал Белгородской области». Осуществлено Лабораторией развития гражданского общества Белгородского государственного национального исследовательского университета методом анкетного опроса ($n=6800$) в Белгородской области в октябре 2022 г. с целью изучения специфики консолидационных процессов, протекающих в приграничном регионе – Белгородской области, которая столкнулась с серьезными вызовами и угрозами, оказавшими существенное влияние на социальные взаимоотношения.

Концептуальную основу исследований составили следующие положения.

Во-первых, реалистичное определение солидарности, учитывающее наличие двух основных подходов к трактовке данного феномена современными исследователями. Согласно первому, солидарность означает состояние общества, характеризующееся «приматом интересов коллектива над интересами личности» [12]. Сторонники второго подхода утверждают, что солидарность – это лишь «некоторая позитивная настроенность людей по отношению друг к другу, понимание того, что есть некоторое “мы”, понимание принадлежности к более широкому кругу, чем круг близких родственников» [18, с. 80].

Мы полагаем, что второй подход является наиболее адекватным реалиям современного атомизированного общества. Фактически он восходит к коммуникативной концепции солидарности Ю. Хабермаса, который связывал установление отношений солидарности именно с «неискаженностью» дискурса, т.е. с качеством коммуникаций [19, с. 158]. Поэтому в ходе исследования нами было сформулировано следующее определение солидарности: это основанная на представлении о наличии общих интересов и опыте конструктивных коммуникаций установка сознания и поведения членов конкретного сообщества, выраженная в их стремлении находить взаимопонимание и оказывать друг другу поддержку в проблемных ситуациях.

Во-вторых, разграничение понятий «солидарность» и «консолидация». Консолидация рассматривалась нами как соответствующий естественной природе человека, осуществляющийся стихийно либо целенаправленно организуемый и регулируемый (в том числе и саморегулируемый) процесс укрепления межличностных и межгрупповых коммуникаций, достижения взаимопонимания в отношении решения общих проблем на основе диалога и сотрудничества. В данном случае мы принимаем позицию тех исследователей, которые рассматривают консолидацию именно как процесс, означающий «объединение, сплочение, укрепление субъектов социальных отношений под едиными программами и лозунгами для достижения определенных общих социальных целей, преодоления внешних и внутренних угроз, кризисных ситуаций, социально-политической и этнонациональной конфронтации» [8, с. 256]. Солидарность как индивидуальное качество, органичное природе человека, является не только основанием данного процесса, но и его результатом, утверждением такого типа отношений между людьми, «который является следствием осознания общности их интересов и влечет за собой моральное обязательство не вредить другим и оказывать им помощь» [23, р. 879]. В этом случае солидарность приобретает общественное значение, превращается в один из регулятивов существования социума.

При этом учитывалось, что могут осуществляться различные модели консолидационного процесса:

- стихийная – консолидация как достижение взаимопонимания между людьми вследствие их совместного проживания и наличия общих интересов;
- партнерская – управляемая консолидация как результат осознания субъектами необходимости объединения для решения своих проблем, возникающих как следствие воздействия тенденций, характеризующих их социально-экономические условия жизни, и влияния социокультурных традиций;
- административная – консолидация, осуществляемая на основе принуждения (квазисолидарность);
- утопическая – консолидация, являющаяся продуктом умозрительных мыслительных конструкций отдельных идеологов;

- имитационная (симулятивная) – консолидация как политическая декларация, направленная на достижение политических целей.

В-третьих, утверждение, что наиболее приемлемой и перспективной является партнерская модель консолидации, реализация которой в существенной степени зависит от специфики социально-экономических условий, в которых осуществляется жизнедеятельность сообществ. В нашем конкретном случае – городских сообществ. Эти условия выступают как детерминанты консолидационного процесса. В ходе экспертного опроса были выделены наиболее значимые из них, к числу которых отнесены:

1) демографическая ситуация. Значение ее определяется тем, что солидарность представляет собой социальный метainститут, т.е. институт, детерминирующий общественное воспроизводство. Следовательно, утверждение ее прямо связано с демографическими процессами;

2) иммиграция. Учитывалось, что она усиливает поликультурность локальных сообществ, затрудняя их интеграцию;

3) качество и уровень жизни. Имелось в виду, что социальное благополучие или неблагополучие сказываются на готовности и способности городских жителей к участию в решении общественных проблем.

Результаты исследований были интерпретированы с учетом статистических данных территориальных органов Федеральной службы государственной статистики, проанализированных по следующим группам показателей: демографические показатели, в частности численность и динамика городского населения, компоненты изменения численности городского населения (уровни рождаемости, смертности, естественный и миграционный приросты); экономические показатели (численность и динамика малоимущего городского населения, уровень бедности и его динамика); институциональные показатели (количество и динамика социально ориентированных некоммерческих организаций, их структура, обеспеченность городского населения территориальным общественным самоуправлением).

Проверке подлежали четыре гипотезы. Первая заключалась в предположении о влиянии на восприятие консолидации со стороны демографической ситуации в регионе.

***Гипотеза 1.** Поскольку демографическая ситуация характеризуется нарастающей тенденцией естественной убыли населения с замещением коренного населения мигрантами, это существенно осложняет воспроизводство качественных характеристик городских сообществ. Отрицательная динамика естественного прироста населения в регионе должна формировать потребность в поиске социокультурных регулятивов воспроизводства населения, к числу которых и относится социальная солидарность. Следовательно, идея консолидации должна наиболее позитивно восприниматься в регионах, в которых естественная убыль выше.*

Вторая гипотеза состояла в допущении амбивалентного влияния фактора миграции на восприятие населением идеи консолидации.

***Гипотеза 2.** Чем больше миграционный прирост, тем, с одной стороны, актуальнее идея консолидации, но, с другой стороны, труднее реализация этой идеи из-за нарастания поликультурности городского сообщества.*

Согласно третьей гипотезе, готовность к консолидации существенно зависит от уровня жизни горожан.

***Гипотеза 3.** Бедность населения снижает потребность в консолидации, так как почти все ресурсы городских жителей направлены на решение проблем выживания, а идея солидаризации остается на периферии массового сознания. Более того, в бедной среде наблюдается негативная реакция на консолидационные проекты. Следовательно, в субъектах РФ с высоким уровнем бедности консолидационный проект найдет ограниченную поддержку. Но, вероятно, высокий уровень жизни также снижает желание консолидироваться, поскольку горожане, для которых он характерен, привыкли самостоятельно решать свои проблемы. Консолидация, скорее всего, наиболее возможна при опоре на средние слои населения. Однако необходимо учитывать, что для формирования проекта консолидации важным основанием выступает наличие традиций коллективной организации жизни.*

Эта гипотеза изначально рассматривалась как довольно спорная. Однако ее выдвижение опиралось на следующие аргументы. Во-первых, низкий уровень жизни людей негативно сказывается на их межличностном и, главное, институциональном доверии. Так, например, согласно исследованиям С.В. Рогачева, М.В. Ильичевой и А.В. Иванова, снижают уровень доверия к власти прежде всего те факторы, которые напрямую связаны с благополучием людей: «снижение жизненного уровня граждан» (этот фактор отметили 81,6% опрошенных), «высокая степень социального расслоения общества» (79,2%), «высокий уровень коррупции в органах власти и управления» (79,1%), «рост уровня безработицы» (78,4%), «невнимательное отношение к обращениям граждан на уровне областных органов власти, районных управ» (72,5%) [15, с. 132]. Во-вторых, исследования В.А. Чигрина и В.В. Узунова показали, что социальное неблагополучие (а оно характерно для низших страт) выступает в качестве существенного препятствия для консолидации [21]. В-третьих, исследования показывают, что нисходящая динамика уровня жизни способствует нарастанию негативистских настроений и это могло бы способствовать объединению в «борьбе за лучшую долю», но в современных условиях «негативные умонастроения и оценки базовых жизненных аспектов носят главным образом не идеологический, а прагматически-утилитарный характер» [5, с. 732].

В соответствии с четвертой гипотезой отношение к консолидации зависит от наличия в городе некоторых элементов институциональной инфраструктуры, под которой понимается комплекс организаций, учреждений, гражданских структур, способствующих сплочению местного сообщества.

Гипотеза 4. *Формирование и развитие территориального общественного самоуправления (ТОС) и социально ориентированных некоммерческих организаций (СОНКО) повышают потенциал социальной консолидации городских сообществ. СОНКО и ТОС могут выступать основой консолидационных проектов, но, очевидно, преимущественно применительно к микроуровню, на котором формулируются ценности и цели консолидации, связанные с повседневными практиками (семья, соседская община, трудовой коллектив). На этом*

уровне должны быть реализованы практики благотворительности, волонтерства и т.д. Важнейшую роль в данном процессе и играет формирование инфраструктуры консолидации.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

При верификации первой гипотезы анализ статистической информации показал, что начиная с 2017 г. наибольшая естественная убыль городского населения фиксируется в Курской и Воронежской областях, а наименьшая среди исследуемых регионов – в Белгородской области (рис. 1).

Результаты социологического исследования частично подтвердили гипотезу о том, что идея консолидации должна наиболее позитивно восприниматься в регионах, в которых естественная убыль выше. Так, с мнением, что российское общество нуждается в консолидации, были согласны в полной мере или преимущественно 73,3% респондентов в Курской области и 74,8% – в Воронежской, тогда как в Белгородской области их доля среди городских жителей составила только 54,8% (рис. 2). Противоположной точки зрения придержи-

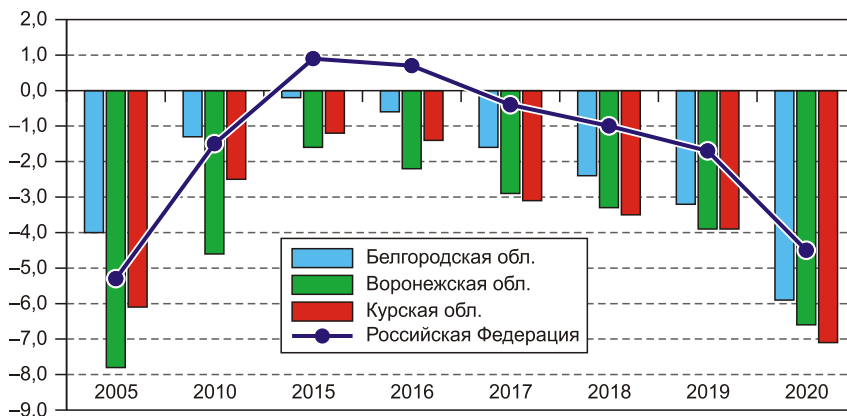

Рис. 1. Динамика значений коэффициентов естественной убыли городского населения в 2005–2020 гг., %

Источник: построено авторами на основе данных Росстата

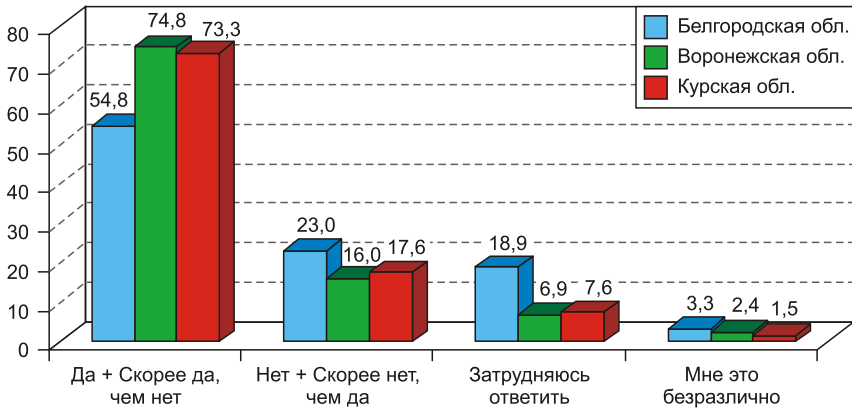

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «В последнее время часто говорят, что российское общество нуждается в консолидации. Согласны ли вы с этим?» с учетом места жительства респондентов, %

Источник: построено авторами по результатам опроса, проведенного в 2022 г.

вались 23,0% опрошенных в Белгородской области, 17,6% – в Курской и 16,0% – в Воронежской. Также необходимо отметить, что именно в Белгородской области каждый пятый (18,9%) затруднился ответить на вопрос. Это может свидетельствовать о том, что идея консолидации не является актуальной для довольно большой доли жителей данного региона.

В то же время при оценке респондентами возможности консолидации населения своего города существенных различий, связанных с местом жительства респондентов, выявлено не было: положительно ее оценивали 70,5% респондентов из Белгородской области, 70,0% – из Курской и 74,1% – из Воронежской области.

Выявленные расхождения в суждениях, по нашему мнению, не опровергают сформулированную гипотезу, поскольку оценка возможности консолидации и оценка потребностей в ней – это довольно разные вещи. Горожане могут не испытывать потребности консолидироваться, но полагать в силу тех или иных причин, что консолидация в принципе все же возможна. Оценка возможностей, скорее всего, определяется обстоятельствами, не связанными с числен-

ностью городского населения. К тому же формирование представления о невозможности консолидации предполагает ясное понимание причин этого, которое, как показал опрос, характерно лишь для относительно небольшой доли респондентов. К числу таких причин они отнесли: различия в положении людей (доходы, социальный статус, доступ к социальным благам) – это отметили 37,8% курян, 30,9% белгородцев и 29,0% воронежцев; отсутствие общих для большинства горожан ценностей – 37,2, 23,4 и 27,5% соответственно; недостаток общения людей друг с другом – 29,9, 30,6 и 22,2% соответственно (рис. 3). Наименьшую долю выборов получили варианты ответов «большая доля мигрантов» (8,6, 12,9 и 9,7% соответственно)

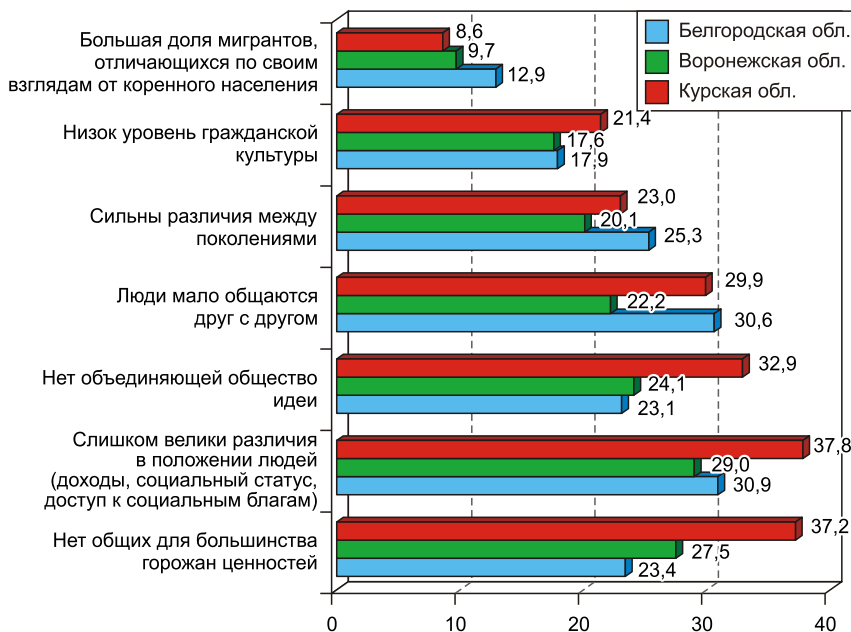

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Если нет [вы полагаете, что невозможно сегодня консолидировать (объединить) население вашего города], то почему? Укажите не более трех вариантов ответа» с учетом места жительства респондентов, %

Источник: построено авторами по результатам опроса, проведенного в 2022 г.

и «низкий уровень гражданской культуры» (21,4, 17,9 и 17,6% соответственно). Подчеркнем, что во всех случаях доля респондентов, выбравших какой-либо из вариантов ответа, не превысила 40%.

Таким образом, распределение ответов на вопрос о возможности консолидации не ставит под сомнение наличие связи между установкой на солидаризацию и содержанием демографических процессов в городах. Однако заслуживает внимания еще один аспект гипотезы – предположение, что востребованность консолидации определяется необходимостью поиска социокультурных регулятивов воспроизводства городского сообщества. Несмотря на то что среди специалистов существует довольно устойчивое убеждение о значимости социокультурной детерминации консолидационных процессов¹, есть основания критически отнестись к этой зависимости. Результаты нашего исследования показывают, что социокультурные запросы, в основе которых лежит стремление обрести общие (консолидирующие) ценности, у горожан выражены довольно слабо. Во многом поэтому в большинстве случаев консолидация локальных сообществ в настоящее время остается в пределах чисто символической декларации о намерениях.

При проверке второй гипотезы было установлено, что рост численности городского населения в исследуемых регионах (как и в целом в Российской Федерации) в 2005–2020 гг. обеспечивался в основном за счет миграции, масштаб которой постоянно увеличивался с 1975 г. (рис. 4).

Несмотря на общую тенденцию, коэффициент миграционного прироста имеет нестабильную динамику в разрезе отдельных регионов (рис. 5). В 2019–2020 гг. наиболее активно миграционные процессы протекали в городских сообществах Белгородской и Курской областей, в которых различаются показатели востребованности консолидации. При сравнительно низкой востребованности консолидации в Белгородской области регион характеризуется сравнительно высоким уровнем миграционного прироста. В Курской области ситуация противоположная. В Воронежской области наблюдается срав-

¹ Фактически этот подход обосновывается в относительно недавней публикации исследователей во главе с А.Д. Харичевым [20].

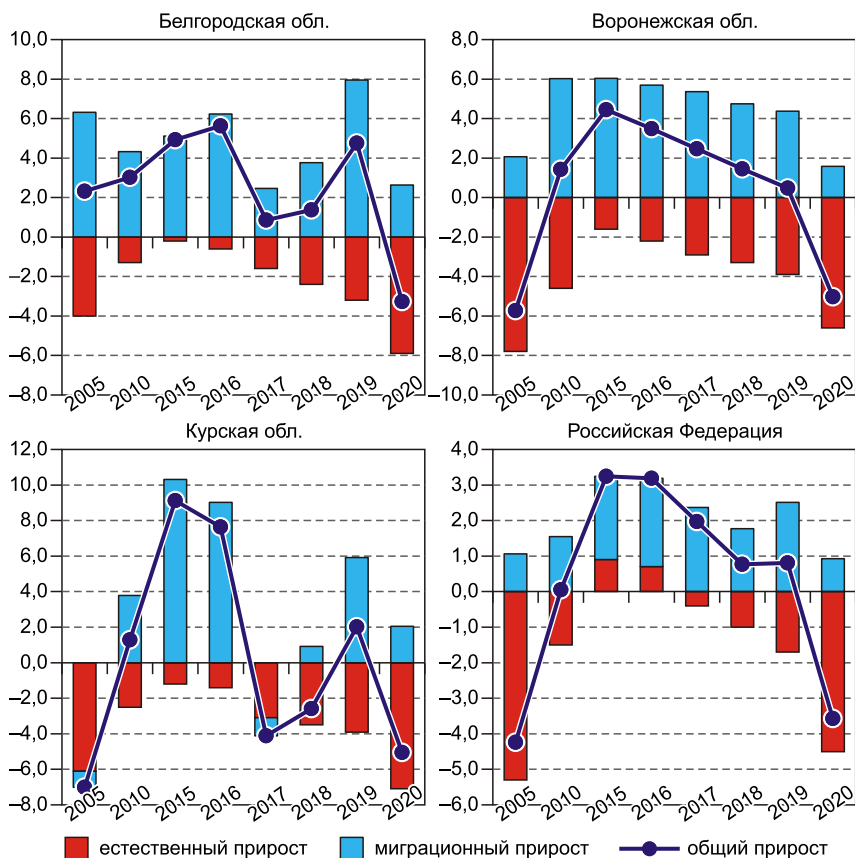

Рис. 4. Динамика и компоненты изменения численности городского населения в 2005–2020 гг., %

Источник: построено авторами на основе данных Росстата

нительно низкий миграционный прирост при сравнительно высокой потребности в консолидации.

Таким образом, в первой своей части вторая гипотеза не нашла подтверждения. Скорее всего, имеет место зависимость не между численностью мигрантов и потребностью консолидации, но между структурой миграционного потока и этой потребностью. Если большин-

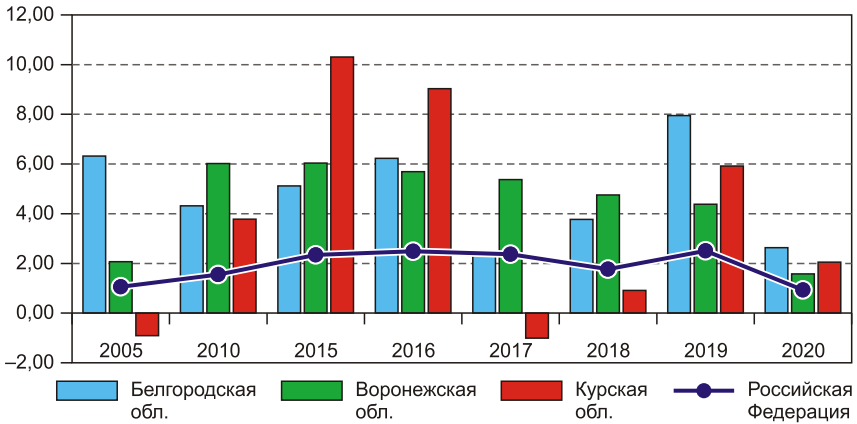

Рис. 5. Коэффициент миграционного прироста городского населения в 2005–2020 гг., %

Источник: построено авторами на основе данных Росстата

ство мигрантов принадлежат к родственной культурной традиции, их присутствие обычно не воспринимается коренным населением как повод рассматривать консолидацию в качестве механизма защиты собственной идентичности. Ситуация в Белгородской области объясняется тем, что основную массу мигрантов в ней составляют жители восточных регионов Украины, длительное время принадлежащих к одному и тому же социокультурному пространству – Слобожанщине. Но различия в культурных традициях, проявившиеся в ходе миграции, могут стимулировать консолидацию, поскольку актуализируют в сознании части граждан проблему определения собственной идентичности, которая рассматривается нами в качестве исходного основания для движения по консолидационному маршруту².

² На эту же зависимость указывают и другие авторы: «...Социальная идентичность определяется как субъективно проинтерпретированная социальная категория, в которую встроен человек и к которой он испытывает чувство принадлежности. Подобными социальными категориями могут являться семья, класс, пол, политическое движение, территориальная общность, этническая или национальная группа, общество, страна, государство» [20, с. 11].

Вместе с тем процесс городской идентификации протекает нелинейно. В одних случаях (Курская область) он прямо соотносится с долей населения, долго проживающего на территории региона, в других случаях (Белгородская и Воронежская области) этого не происходит (табл. 1). Большинство участников исследования являются коренными жителями или переехали в регион более 10 лет назад (рис. 6): 76,1% в Белгородской области, 76,5% – в Воронежской и 73,5% – в Курской, но доля коренных жителей в Белгородской области несколько ниже (53,7% против 60,6% в Курской области и 60,7% в Воронежской).

Вполне вероятно, что в данном случае взаимосвязи между жителями определяются прочностью и длительностью существования городских культурных традиций. Для Белгородской области характерна их относительная кратковременность (область образована в 1954 г. на преимущественно сельских территориях). В Воронежской области эти традиции должны быть объективно слабее из-за относительно больших размеров региона.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Кем вы ощущаете себя в первую очередь?» с учетом места жительства респондентов, %

Вариант ответа	Белгород- ская обл.	Воронеж- ская обл.	Курская обл.	В с е г о
Жителем своего города	27,2	28,3	35,9	29,6
Жителем своего региона (области)	10,3	12,0	9,7	11,0
Гражданином России	47,6	46,3	38,5	44,9
Жителем СНГ	3,3	3,5	5,3	3,8
Европейцем, жителем Европы	2,2	1,7	0,3	1,5
Гражданином мира (планеты Земля)	5,7	4,4	4,7	4,9
Другое (укажите)	0,0	0,1	0,3	0,1
Затрудняюсь ответить	3,7	3,7	5,3	4,1
И т о г о	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: составлено авторами по результатам опроса, проведенного в 2022 г.

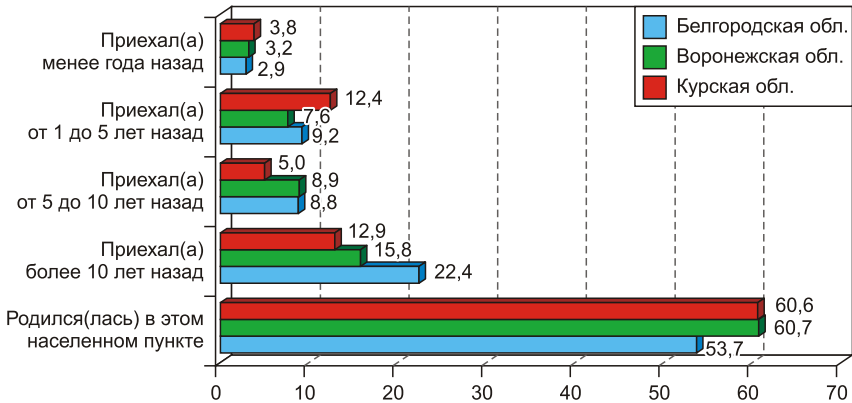

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос: «Вы родились в данном городе или переехали сюда позже?» с учетом места жительства респондентов, %

Источник: построено авторами по результатам опроса, проведенного в 2022 г.

При верификации третьей гипотезы мы учитывали, что согласно данным Федеральной службы государственной статистики, во всех исследуемых регионах доля городского населения с доходами ниже прожиточного минимума меньше среднероссийского значения (9,7%), наибольшее значение в 8,0% фиксируется в Воронежской области, 7,0% – в Белгородской и 6,4% – в Курской (рис. 7). Однако различия лежат в пределах статистической погрешности и можно говорить об относительной однородности рассматриваемых субъектов РФ по данному показателю.

Субъективная оценка собственного положения у респондентов также различается незначительно. Благополучной (вариант ответа «живем в достатке, ни в чем себе не отказываем») свою жизнь оценивали 17,1% горожан в Белгородской области, 19,7% – в Воронежской и 15,0% – в Курской (табл. 2). Свой уровень жизни как средний (вариант ответа «денег хватает на продукты, содержание автомобиля, покупку бытовой техники») определили 56,8% участников исследования из Белгородской области, 60,6% – из Курской и 58,9% – из Воронежской. Бедными себя считали (вариант ответа «живем бедно, денег хватает на продукты, иногда на покупку бытовой техники»)

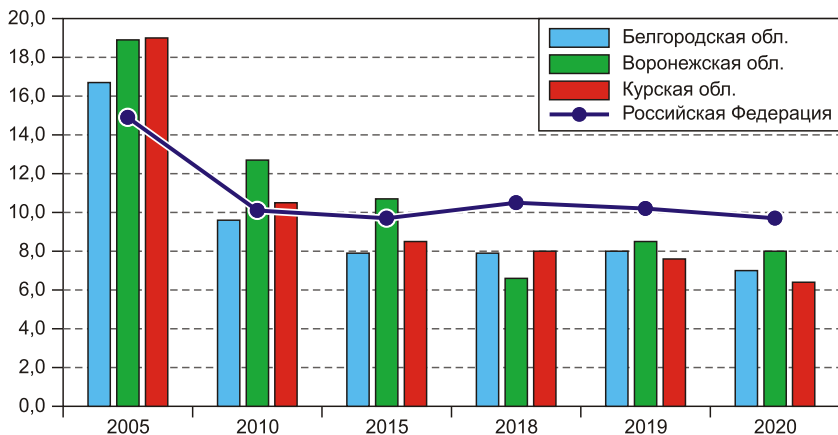

Рис. 7. Доля городского населения в общей численности населения с доходами ниже прожиточного минимума, %

Источник: построено авторами на основе данных Росстата

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Оцените уровень благосостояния вашей семьи» с учетом места жительства респондентов, %

Вариант ответа	Белгород- ская обл.	Воронеж- ская обл.	Курская обл.	В с е г о
Живем в достатке, ни в чем себе не отказываем	17,1	15,0	19,7	16,7
Живем средне, денег хватает на продукты, содержание автомобиля, покупку бытовой техники	56,8	58,9	60,6	58,6
Живем бедно, денег хватает на продукты, иногда на покупку бытовой техники	17,8	17,6	12,4	16,5
Живем крайне бедно	4,8	3,7	1,5	3,6
Затрудняюсь ответить	3,5	4,8	5,9	4,7
И т о г о	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: построено авторами по результатам опроса, проведенного в 2022 г.

17,8% белгородских, 17,6% воронежских и 12,4% курских горожан. Признание своей абсолютной бедности (вариант ответа «живем бедно») характерно для 4,8% респондентов из Белгородской области, 1,5% – из Курской и 3,7% – из Воронежской.

Результаты социологического исследования «Социальная консолидация городских сообществ: возможности и ограничения в условиях дигитализации урбанизированной среды» свидетельствуют, что мнение о необходимости консолидации российского общества полностью разделяли (вариант ответа «да») 44,4% респондентов, оценивающих свой уровень благосостояния как абсолютную бедность, и 43,5% участников исследования, живущих в достатке (табл. 3). Среди оценивающих свой уровень жизни как средний (вариант ответа «денег хватает на продукты, содержание автомобиля, покупку бытовой техники») таких оказалось 38,2%, а среди бедных (вариант ответа «живем бедно, денег хватает на продукты, иногда на покупку бытовой техники») – только 30,4%.

Таким образом, потребность в консолидации наиболее отчетливо проявляется среди наиболее бедных слоев городского населения. В несколько меньшей степени она проявляется среди наиболее богатых и средних слоев, что опровергает выдвинутую ранее гипотезу. Отрицательный результат в данном случае важен, поскольку позволяет подвергнуть сомнению тезис о средних слоях («среднем классе») как основном социальном ресурсе консолидации. Скорее можно согласиться с позицией А.С. Капто, согласно которой «субъект социальной консолидации – весь социум, общество» [8, с. 258].

В ходе проверки четвертой гипотезы было принято во внимание, что некоммерческие организации наиболее массово представлены в Воронежской области: здесь на 10 тыс. городских жителей приходится 10,6 ед. подобных объединений. В Белгородской области их 10,1 ед. (это сопоставимо со среднероссийским уровнем в 10,0 ед.), в Курской области – 8,7 ед. (рис. 8).

Однако эти сведения относятся к региону в целом. Статистические данные, касающиеся представленности общественных объединений в городах, отсутствуют. Данное обстоятельство создает препятствие для корректной проверки гипотезы. К тому же несмотря на

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «В последнее время часто говорят, что российское общество нуждается в консолидации. Согласны ли вы с этим?» с учетом уровня благосостояния респондентов, %

Вариант ответа	Уровень благосостояния				В с е г о
	Живем в достатке, ни в чем себе не отказываем	Живем средне, денег хватает на продукты, содержание автомобиля, покупку бытовой техники	Живем бедно, денег хватает на продукты, иногда на покупку бытовой техники	Живем крайне бедно	
Да	43,5	38,2	30,4	44,4	37,4
Скорее да, чем нет	25,7	31,1	35,6	27,8	31,0
Скорее нет, чем да	14,2	13,7	14,8	14,8	14,1
Нет	4,3	4,0	4,0	5,6	4,3
Затрудняюсь ответить	11,1	10,7	10,4	5,6	10,7
Мне это безразлично	1,2	2,2	4,8	1,9	2,4
И т о г о	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: построено авторами по результатам опроса, проведенного в 2022 г.

достаточную распространенность СОНКО, население далеко не всегда информировано об их деятельности. Уровень информированности в данном случае по регионам составил 70,5% респондентов в Воронежской области, 66,8% – в Курской и 61,2% – в Белгородской (табл. 4).

Население наиболее информировано о деятельности профсоюзов, общественных движений (волонтерские, экологические, патриотические и т.д.), ТОС, общественных советов, НКО и групп в социальных сетях (рис. 9). Менее всего граждане знакомы с деятельностью религиозных организаций, фондов социальной направленности и общественных палат.

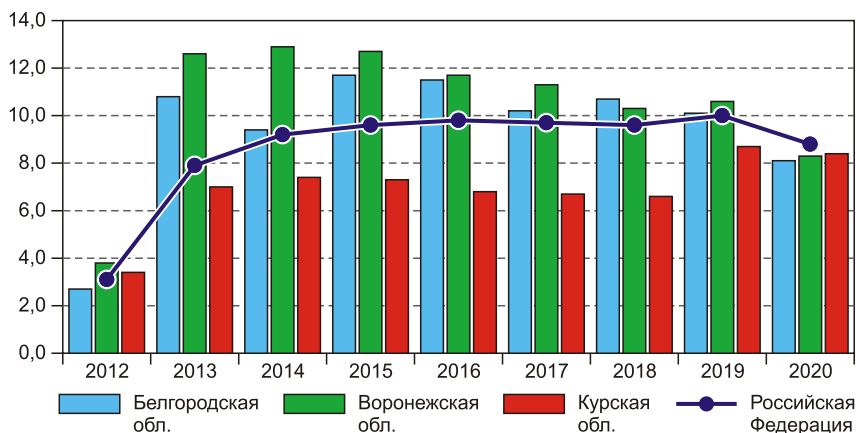

Рис. 8. Динамика количества социально ориентированных некоммерческих организаций на 10 тыс. населения в 2012–2020 гг., ед.

Источник: построено авторами на основе данных Росстата

Таблица 4

Распределение ответов на вопросы: «Знаете ли вы о каких-либо общественных организациях или объединениях, функционирующих в вашем городе и активно участвующих в решении местных проблем?» и «Участвуете ли вы в деятельности какой-нибудь общественной организации, являетесь ли членом какого-нибудь объединения, профсоюза и т.п.» с учетом места жительства респондентов, %

Показатель	Белгород- ская обл.	Воронеж- ская обл.	Курская обл.
Кол-во СОНКО на 10 тыс. жителей, ед.	10,1	10,6	8,7
Доля ответивших «да» на вопрос: «Знаете ли вы о каких-либо общественных организациях или объединениях, функционирующих в вашем городе и активно участвующих в решении местных проблем?», %	61,2	70,5	66,8
Доля ответивших «да» на вопрос: «Участвуете ли вы в деятельности какой-нибудь общественной организации, являетесь ли членом какого-нибудь объединения, профсоюза и т.п.?», %	37,7	43,5	29,4

Источник: построено авторами на основе данных Росстата (первая строка) и результатов опроса, проведенного в 2022 г. (вторая и третья строки).

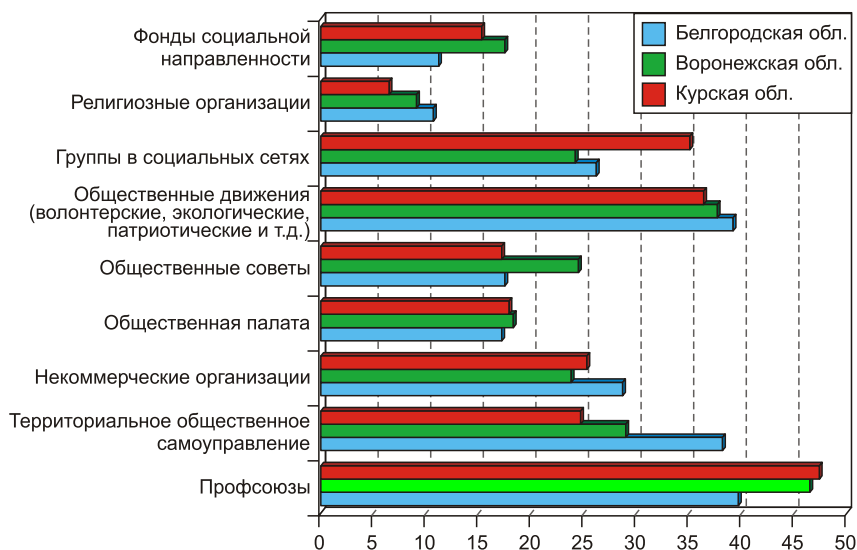

Рис. 9. Распределение ответов на вопрос: «Если да [вы знаете о каких-либо общественных организациях или объединениях, функционирующих в вашем городе и активно участвующих в решении местных проблем], то о каких?» с учетом места жительства респондентов, %

Источник: построено авторами по результатам опроса, проведенного в 2022 г.

Недостаточная информированность респондентов существенно затрудняет верификацию гипотезы. Тем не менее анализ показывает следующее:

- чем выше уровень информированности городских жителей о деятельности НКО, тем более они убеждены в востребованности и необходимости консолидации. Так, среди респондентов, знающих о каких-либо общественных организациях или объединениях, функционирующих в их городе и активно участвующих в решении местных проблем, 74,7% в полной мере или преимущественно согласны с необходимостью консолидации российского общества. Среди неинформированных горожан таких только 58,3%;
- чем активнее горожане участвуют в деятельности общественных объединений, тем более утвердительно они отвечают на

вопрос о необходимости консолидационного процесса. Мнение о необходимости консолидации российского общества полностью разделяли 50,5% горожан – членов общественных организаций и объединений и только 30,2% не состоящих в них.

Таким образом, четвертая гипотеза нашего исследования нашла свое подтверждение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ, разумеется, не дает полного представления о всей совокупности социальных детерминант консолидации городских сообществ. Он позволяет судить о сложности и противоречивости данного процесса, который не допускает упрощенного подхода, основанного на презумпции административных решений. Ограниченность их возможностей подтвердил, в частности, опыт реализации в Белгородской области Стратегии «Формирование регионального солидарного общества на 2011–2025 годы». Осуществление Стратегии завершилось публикацией Постановления Правительства Белгородской области от 06.06.2022 № 340-пп «О признании утратившим силу постановления Правительства Белгородской области “Об утверждении Стратегии “Формирование регионального солидарного общества” на 2011–2025 годы” от 24 ноября 2011 года № 435-пп», основанием для которого было заявлено исполнение ее мероприятий всеми участниками в установленные сроки. Однако объективный анализ результативности данной программы не был проведен, что говорит о недостаточной обоснованности такого заключения.

Вместе с тем нельзя не обратить внимания на то, что полученные данные позволяют заключить следующее: хотя идея социальной консолидации находит наиболее значительную поддержку среди городских жителей, относящихся к наименее обеспеченным слоям населения, она будет иметь более широкую массовую базу во всех слоях городского сообщества, где этот процесс воспринимается как способ коллективных действий, направленных на обретение (или сохранение и преумножение) благополучия. Эта концепция найдет поддержку и среди представителей «верхнего класса», для которого она привлекательна способностью (не вполне очевидной) стать основанием для

сохранения общественной стабильности и минимизации социальных конфликтов. В любом случае важно, чтобы консолидация не приобрела негативный характер, не превратилась в процесс противопоставления «своих» и «чужих». Следовательно, она должна носить регулируемый и саморегулируемый характер.

Список источников

1. *Аносов С.С.* Эффективность консолидации: социальная политика государства // Социология. – 2021. – № 2. – С. 5–20.
2. *Бобова Л.А.* Механизмы социальной консолидации в сетевом обществе // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 2 (35). – URL: <https://vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/80/80> (дата обращения: 10.07.2023).
3. *Вавилина Н.Д.* Солидаризация как социальное явление и социальный процесс: региональный контекст // Регион: экономика и социология. – 2019. – № 3 (103). – С. 164–194.
4. *Воденко К.В.* Городские поселения в социальном пространстве российского общества: историческая память в контексте социальной консолидации // НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право. – 2022. – Т. 47, № 1. – С. 137–141. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-1-137-141.
5. *Горшков М.К., Тюрина И.О.* Консолидация российского общества в условиях современных вызовов: историко-социологический и ценностно-мировоззренческий контексты // Вестник РУДН. Сер.: Социология. – 2023. – Т. 23, № 4. – С. 720–739.
6. *Гофман А.Б.* Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социологический ежегодник – 2012: Сб. науч. тр. / Под ред. Н.Е. Покровского, Д.В. Ефременко. – М.: ИНИОН РАН, 2013. – С. 97–167.
7. *Еремичева Г.В.* Социальное неравенство – негативный фактор в процессе консолидации // Условия и возможности консолидации российского общества: Сб. науч. тр. СИ РАН. – СПб.: ООО «Нестор-История», 2010. – С. 219–249.
8. *Канто А.С.* Объединяющие ценности социальной консолидации // Социально-гуманитарные знания. – 2015. – № 1. – С. 256–265.
9. *Кармадонов О.А.* Солидарность, интеграция, конъюнкция // Социологические исследования. – 2015. – № 2 (370). – С. 3–12.
10. *Ковригина Г.Д.* Социальная солидарность как метainститут: Дисс. ... д-ра филос. наук. – Иркутск, 2020. – 304 с.
11. *Кузнецов И.М.* Основания ценностной консолидации россиян: традиционализм и обновление // Социологические исследования. – 2021. – № 8. – С. 93–102. DOI: 10.31857/S013216250014161-0.
12. *Левин В.И.* Философия, логика и методология науки. – Пенза: ПГТА, 2010. – 66 с.

13. Мерзликин Н.В., Иванов А.В. Социальная консолидация в контексте специальной военной операции (экспертная оценка) // Наука. Культура. Общество. – 2022. – Т. 28, № 4. – С. 85–96.
14. Реутов Е.В. Влияние специальной военной операции на процессы социальной консолидации в Белгородской области // *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право.* – 2023. – Т. 48, № 4. – С. 704–709. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-704-709.
15. Рогачев С.В., Ильичева М.В., Иванов А.В. Социальное доверие и процесс консолидации общества: новые возможности и риски // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2022. – № 1. – С. 129–140. DOI: 10.24412/2071-6141-2022-1-129-140.
16. Рушинова Н.Л., Панова Л.В. Социальные неравенства и ограниченность ресурсов социального капитала как препятствия консолидации российского общества // Условия и возможности консолидации российского общества: Сб. науч. тр. СИ РАН. – СПб.: ООО «Нестор-История», 2010. – С. 164–218.
17. Селезнев П.С., Сургуладзе В.Ш. Цифровые вызовы социально-политической консолидации и коллективной идентичности общества // Век глобализации. – 2021. – № 4. – С. 131–144. DOI: 10.30884/vglob/2021.04.09.
18. Филиппов А.Ф. Солидарность внутри наций, обществ, общностей? // Метод. – 2010. – № 1. – С. 79–97. – URL: <https://rucont.ru/efd/476602> (дата обращения: 31.08.2023).
19. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб.: Наука, 2000. – 384 с.
20. Харичев А.Д., Шутков А.Ю., Полосин А.В., Соколова Е.Н. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) // Журнал политических исследований. – 2022. – Т. 6, № 3. – С. 9–19. DOI: 10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19.
21. Чигрин В.А., Узунов В.В. Особенности социальной консолидации региональных сообществ Юга России // Гуманитарий Юга России. – 2022. – Т. 11, № 1 (53). – С. 150–159.
22. Шутанова И.С. Особенности социально-политической консолидации российского общества и государства в условиях проведения специальной военной операции: социологический анализ // Наука. Культура. Общество. – 2022. – Т. 28, № 4. – С. 97–108. DOI: 10.19181/nko.2022.28.4.8.
23. Robert P. Dictionnaire de la langue française. – P.: Le Robert, 1993.

Информация об авторах

Бабинцев Валентин Павлович (Россия, Белгород) – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета (308015, Белгород, ул. Победы, 85). E-mail: babintsev@bsu.edu.ru.

Гайдукова Галина Николаевна (Россия, Санкт-Петербург) – кандидат социологических наук, доцент, доцент Северо-Западного института управления – филиала РАНХиГС (199178, Санкт-Петербург, Средний просп. В.О., 57/43). E-mail: g_gaidukova@bsu.edu.ru.

Шаповал Жанна Александровна (Россия, Белгород) – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета (308015, Белгород, ул. Победы, 85). E-mail: shapoval@bsu.edu.ru.

DOI: 10.15372/REG20240409

Region: Economics & Sociology, 2024, No. 4 (124), p. 222–252

V.P. Babintsev, G.N. Gaidukova, Zh.A. Shapoval

SOCIO-ECONOMIC DETERMINANTS OF URBAN COMMUNITY CONSOLIDATION IN THE BORDER CENTRAL BLACK EARTH REGIONS OF RUSSIA

This article examines the social determinants of urban community consolidation. Its goal is to test hypotheses regarding the relationship between long-term socio-economic and socio-demographic trends in urban communities within Russia's border regions and the population's perception of social consolidation. By comparing statistical data and sociological research findings, the authors demonstrate that attitudes toward consolidation are not necessarily tied to favorable demographic indicators. Migration has a mixed impact on the prevalence of consolidation in the public consciousness (when cultural distance is significant, consolidation tendencies strengthen among natives as a protective response, whereas smaller cultural distances do not encourage solidarization). The study finds that the "upper" and "lower" strata of the urban population are most inclined toward consolidation, while the "middle" class remains relatively passive. Paradoxically, the erosion of the middle class fosters stronger consolidation attitudes. Additionally, the population's awareness of the presence of consolidation infrastructure in their city (such as NGOs and public associations) and participation in these organizations contribute to the development and spread of consolidation efforts.

Keywords: social consolidation; urban community; social solidarity; consolidation infrastructure; sociological research; border region

For citation: Babintsev, V.P., G.N. Gaidukova & Zh.A. Shapoval. (2024). Sotsialno-ekonomicheskie determinanty konsolidatsii gorodskikh soobshchestv v prigranichnykh regionakh Tsentralno-Chernozemnoy Rossii [Socio-economic determinants of urban community consolidation in the border Central Black Earth regions of Russia]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 4 (124), 222–252. DOI: 10.15372/REG20240409.

References

1. Anosov, S.S. (2021). Effektivnost konsolidatsii: sotsialnaya politika gosudarstva [Consolidation efficiency: Social policy of the state]. Sotsiologiya [Sociology], 2, 5–20.
2. Bobova, L.A. (2014). Mekhanizmy sotsialnoy konsolidatsii v setevom obshchestve [Mechanisms of social consolidation in the network society]. Vestnik MGIMO Universiteta [MGIMO Review of International Relations], 2 (35). Available at: <https://vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/80/80> (date of access: 10.07.2023).
3. Vavilina, N.D. (2019). Solidarizatsiya kak sotsialnoe yavlenie i sotsialnyy protsess: regionalnyy kontekst [Solidarization as a social phenomenon and a social process: Regional context]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 3 (103), 164–194.
4. Vodenko, K.V. (2022). Gorodskie poseleniya v sotsialnom prostranstve rossiyskogo obshchestva: istoricheskaya pamyat v kontekste sotsialnoy konsolidatsii [Urban settlements in the social space of russian society: Historical memory in the context of social consolidation]. NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo [NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law], Vol. 47, No. 1, 137–141. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-1-137-141.
5. Gorshkov, M.K. & I.O. Tyurina. (2023). Konsolidatsiya rossiyskogo obshchestva v usloviyakh sovremennykh vyzovov: istoriko-sotsiologicheskii i tsennostno-mirovozzrencheskiy konteksty [Consolidation of the Russian society under contemporary challenges: Social-historical and value contexts]. Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya [RUDN Journal of Sociology], Vol. 23, No. 4, 720–739.
6. Gofman, A.B. (2013). Solidarnost ili pravila, Dyurkgeym ili Khayek? O dvukh formakh sotsialnoy integratsii [Solidarity or rules, Durkheim or Hayek? On two forms of social integration]. In: N.E. Pokrovsky & D.V. Efremenko (Eds.). Sotsiologicheskii ezhegodnik – 2012: Sb. nauch. tr. [Sociological Yearbook 2012: Collection of scientific works]. Moscow, Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS, 97–167.
7. Eremicheva, G.V. (2010). Sotsialnoe neravenstvo – negativnyy faktor v protsesse konsolidatsii [Social inequality is a negative factor in the process of consolidation]. In: Usloviya i vozmozhnosti konsolidatsii rossiyskogo obshchestva: Sb. nauch. tr. SI RAN [Conditions and Opportunities for the Consolidation of Russian Society: Collection of Scientific Papers of the SI RAS]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya LLC, 219–249.

8. *Kapto, A.S.* (2015). Obyedinyayushchie tsennosti sotsialnoy konsolidatsii [Unifying values of social consolidation]. *Sotsialno-gumanitarnye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge], 1, 256–265.
9. *Karmadonov, O.A.* (2015). Solidarnost, integratsiya, konyunktsiya [Solidarity, integration, conjunction]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 2 (370), 3–12.
10. *Kovrigina, G.D.* (2020). Sotsialnaya solidarnost kak metainstitut: Diss. ... d-ra fil. nauk [Social solidarity as a meta-institution: Doctor of Philosophy Thesis]. Irkutsk, 304.
11. *Kuznetsov, I.M.* (2021). Osnovaniya tsennostnoy konsolidatsii rossiyan: traditsionalizm i obnovlenie [Foundations of Russians' value consolidation: Traditionalism and renewal]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 8, 93–102. DOI: 10.31857/S013216250014161-0.
12. *Levin, V.I.* (2010). Filosofiya, logika i metodologiya nauki [Philosophy, Logic, and Methodology of Science]. Penza, Penza State Technological University, 66.
13. *Merzlikin, N.V. & A.V. Ivanov.* (2022). Sotsialnaya konsolidatsiya v kontekste spetsialnoy voennoy operatsii (ekspertnaya otsenka) [Social consolidation in the context of a special military operation (expert assessment)]. *Nauka. Kultura. Obshchestvo* [Science. Culture. Society], Vol. 28, No. 4, 85–96.
14. *Reutov, Ye.V.* (2023). Vliyanie spetsialnoy voennoy operatsii na protsessy sotsialnoy konsolidatsii v Belgorodskoy oblasti [Influence of special military operation on the processes of social consolidation in the Belgorod region]. *NOMOTHIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* [NOMOTHIKA: Philosophy. Sociology. Law], Vol. 48, No. 4, 704–709. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-704-709.
15. *Rogachev, S.V., M.V. Ilyicheva & A.V. Ivanov.* (2022). Sotsialnoe doverie i protsess konsolidatsii obshchestva: novye vozmozhnosti i riski [Social trust and the process of consolidation of society: New opportunities and risks]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Izvestiya Tula State University. Humanitarian Sciences], 1, 129–140. DOI: 10.24412/2071-6141-2022-1-129-140.
16. *Rusinova, N.L. & L.V. Panova.* (2010). Sotsialnye neravenstva i ogranichenost resursov sotsialnogo kapitala kak prepyatstviya konsolidatsii rossiyskogo obshchestva [Social inequalities and limited social capital resources as barriers to the consolidation of Russian society]. In: *Usloviya i vozmozhnosti konsolidatsii rossiyskogo obshchestva: Sb. nauch. tr. SI RAN* [Conditions and Opportunities for the Consolidation of Russian Society: Collection of Scientific Works of the SI RAN]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya LLC, 164–218.
17. *Seleznev, P.S. & V.Sh. Surguladze.* (2021). Tsifrovye vyzovy sotsialno-politicheskoy konsolidatsii i kollektivnoy identichnosti obshchestva [Digital challenges of social and political consolidation and collective society identity]. *Vek globalizatsii* [Age of Globalization], 4, 131–144. DOI: 10.30884/vglob/2021.04.09.
18. *Filippov, A.F.* (2010). Solidarnost vnutyri natsiy, obshchestv, obshchnostey? [Solidarity within nations, societies, communities?]. *Metod* [Method], 1, 79–97. Available at: <https://rucont.ru/efd/476602> (date of access: 31.08.2023).
19. *Habermas, J.* (2000). Moralnoe soznanie i kommunikativnoe deystvie [Moral Consciousness and Communicative Action]. St. Petersburg, Nauka Publ., 384.

20. *Harichev, A.D., A.Yu. Shutov, A.V. Polosin & E.N. Sokolova.* (2022). *Vospriyatie bazovykh tsennostey, faktorov i struktur sotsialno-istoricheskogo razvitiya Rossii (po materialam issledovaniy i aprobatsii)* [Perception of basic values, factors and structures socio-historical development of Russia (Based on research and testing materials)]. *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research], Vol. 6, No. 3, 9–19. DOI: 10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19.

21. *Chigrin, V.A. & V.V. Uzunov.* (2022). *Osobennosti sotsialnoy konsolidatsii regionalnykh soobshchestv Yuga Rossii* [Features of social consolidation of regional communities in the South of Russia]. *Gumanitarniy Yuga Rossii* [Humanities of the South of Russia], Vol. 11, No. 1 (53), 150–159.

22. *Shushpanova, I.S.* (2022). *Osobennosti sotsialno-politicheskoy konsolidatsii Rossiyskogo obshchestva i gosudarstva v usloviyakh provedeniya spetsialnoy voennoy operatsii: sotsiologicheskiy analiz* [Features of the socio-political consolidation of Russian society and the state in the conditions of a special military operation: Sociological analysis]. *Nauka. Kultura. Obshchestvo* [Science. Culture. Society], Vol. 28, No. 4, 97–108. DOI: 10.19181/nko.2022.28.4.8.

23. *Robert, P.* (1993). *Dictionnaire de la langue française* [Dictionary of the French language]. Paris, Le Robert.

About Authors

Babintsev, Valentin Pavlovich (Belgorod, Russia) – Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Professor at the Department of Social Technologies and Public Administration, Belgorod State National Research University (85, Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia). E-mail: babintsev@bsu.edu.ru.

Gaidukova, Galina Nikolaevna (St. Petersburg, Russia) – Candidate of Sciences (Sociology), Docent, Associate Professor at the RANEPa St. Petersburg – North-West Institute of Management (57/43, Sredny Ave., Vasilievsky Island, 199178, St. Petersburg, Russia). E-mail: g_gaidukova@bsu.edu.ru.

Shapoval, Zhanna Aleksandrovna (Belgorod, Russia) – Candidate of Sciences (Sociology), Docent, Associate Professor at the Department of Social Technologies and Public Administration, Belgorod State National Research University (85, Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia). E-mail: shapoval@bsu.edu.ru.

Поступила в редколлегию 04.03.2024.

После доработки 12.04.2024.

Принята к публикации 15.04.2024.

© Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Шаповал Ж.А., 2024